

«Замечания» Дидро, видимо, не отважился послать Екатерине II. Но они попали к ней после смерти философа. И ее сердце действительно «затрепетало», но не от радости, а от возмущения, и сокровенные мысли Дидро она назвала «лепетом» («Это сущий лепет, в котором нет ни знания вещей, ни благоразумия, ни предусмотрительности»²⁴).

Через несколько лет после посещения Петербурга Дидро, осваивая опыт американской революции, в третьем издании «Истории обеих Индий» возлагал надежды на обретение народом свободы не на просвещенного монарха, а на сам народ, на его вооруженную борьбу. Хотя и в этой книге рудименты концепции просвещенного абсолютизма сохранились.

Ту же закономерность в ее более последовательном проявлении мы видим на примере формирования убеждений Радищева. В начале 1780-х годов Радищев уже стоял на позициях революционных — обоспование этой позиции мы находим в оде «Вольность», писавшейся в 1781—1783 гг. Идея революции извлекалась из опыта истории английской и американской революций. Революционные убеждения и обусловили историчность мышления Радищева. Оттого ему оказалась чуждой концепция просвещенного абсолютизма. Она отсутствует в оде «Вольность». Она развенчана в «Писеме другу, жительствоющему в Тобольске» (1782), на примере деятельности просвещенного монарха Петра I.

Возможность создания концепции просвещенного абсолютизма предопределялась в конце концов антиисторизмом просветителей. Рождение «элементов историзма» разрушало доверие к этой доктрине. Следует внимательно изучать факты преодоления философами или писателями надежд на просвещенного монарха. Несомненно в таких случаях мы обнаружим и преодоление метафизического мышления, и прорыв к историзму. Эта закономерность будет действовать и в позднейшие эпохи, когда историзм победит. Судьба Пушкина после 14 декабря 1825 г. это подтверждает: появление надежды на Николая I как возможного просвещенного монарха сопровождалось отказом от историзма («Стансы», «Полтава»). Возвращение в 1830-х годах на позиции историзма, углубление и обогащение его помогло не только преодолеть веру в просветительскую доктрину, но и художественными средствами раскрыть ее несостоятельность («Медный всадник», «Анджело»).

События американской революции вызвали глубокий интерес в России. Общеизвестно, какие теоретические выводы из ее опыта и тех обобщений, которые были в книге Рейналя «*Revolution de l'Amérique*», сделал Радищев в оде «Вольность». За борьбой американского народа следили широкие круги читателей грамотной России. В значительной мере этот интерес удовлетворял Нико-

²⁴ Сб. Императорского русского исторического общества, СПб., 1878, т. 23, с. 373.